18+

Анна Олеговна Князева

Путь победителей

Ум – это разновидность послушания, согласия людей

Анна Олеговна Князева

Путь победителей. Ум – это разновидность послушания, согласия людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243511
ISBN 9785005613561

Аннотация

Посвящается моей покойной подруге, с чем я до конца до сих пор не смирилась, до последнего надеясь, что она как обычно приедет с Германии живой, Низамутдиновой Алине Руслановне, о коей смерти я узнала просто написав на её аккаунт ВК, который перестал обновляться с 2019 года. Убийцы не знали, что я жива и с ней переписывалась, так как меня просто тоже планировали раньше чем её убрать отравлением. Это только для того, чтобы они и не дерзнули имитировать её живой для издевательств. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Олег Кепчик	5
Анна	30
Марина	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Путь победителей
Ум – это разновидность послушания, согласия людей

Анна Олеговна Князева

© Анна Олеговна Князева, 2022

ISBN 978-5-0056-1356-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олег Кепчик

Реквием смелому школьнику,
Что не сниcкал даже шанс
Пережить испытание от взрослых.

Моё Алчное и наивное мягкое приветствие многие знают в моём родном городе, а имя моё им известно, как Олег Кепчик. Ты не смекнула, что у тебя всё равно шизофрения, раз ты вообще боишься это слово? Этот крах и ужас лжи многих против одного! Эта жесть, когда с холодным безразличием толпа твоих близких тебя же одного и имеет по всем статьям. И ещё по абсурду. Который к тебе вообще не имеет отношения, например, так как на тебя охотятся инопланетяне. Бьют гидрофоном от трупа в анализ крови врачи, чтобы ты хотя бы им казался заразным, находясь в морге и, чаще всего, ещё и не знают для чего им это поручили. Труп была живая до того момента татарка… я это уже даже знал… Анализ крови русской девочки в текущей эксплуатации, а я просто прозревший это Арман-дракулин. Вчера утилизировали башкирку, так как она уже не подходила на подобные нужды. Издеваются с Московского морга. Я даже знал конкретнее, но разве я оттуда живым уйду?! Если я не сдам ЕГЭ на хорошие баллы, я ещё и совершу суицид, так как мне оставалось уповать лишь на шантаж чего-угодно. Не смотря

на всё, я чувствую, что мне жить осталось совсем недолго, всё бытие мое бесполезно, как и любого человека, так как я и знать о свое полезности не мог: мне никто не говорил со стороны. Конечно кто-то скажет: «жизнь продолжается», но разве мне нужна такая жизнь? Я даже не знал нужна или нет… Конечно, кто-то скажет: «тренируйся, нарешивай»… разве что-то изменится? Ничего, более того, на 80 баллов сдать невозможно, об этом говорит даже статистика. Конечно кто-то скажет «всё получится» но ничего не выйдет. Я не вижу никакого смысла в продолжении моей жизни после не сдачи. Армия является лучшим исходом, но разве я смогу смотреть своим родителям в глаза? Они вбухивают большие деньги в репетиторов, которые прямым текстом говорят, что я дурак и у такого урода, как я ничего не получится, а родители их ещё и поддерживают в этом, теми же словами бранят меня. Моя двоюродная сестра еле-еле сдала на 70 баллов. Сравнивая её и меня, я понимаю, что я действительно сдам плохо. Кто-то скажет «может отказаться?» но нет, пути назад нет. В остальном я доволен собой, за год я стал в несколько раз лучше, а именно более открытым, уверенным, самовольным, избавился от некоторых нехороших пороков, и за всё это я люблю себя. Однако, стоит ли продолжать жить? Нет, я не хочу остальную жизнь прожить в кредитном рабстве, за 28к в месяц, а на старости лет голодать. Конечно вы скажете «подумай о своих родственниках», но мне какое дело до этого, если меня уже не будет существовать, вечное

неузнаваемое ничего как по мне неплохо. «Всё будет хорошо», но ничего хорошего не будет в этом омуте тайн. Я оставил хорошую память людям, одним как творческого человека, другим как скромного, необщительного паренька. Открытая концовка моей жизни, неплохо. Единственное, чего я не хочу, так это испытать сильную боль, когда убью себя, особенно отравление лекарствами не вариант, а ножом в сердце неплохо. Так зачем же я в дневнике это пишу? На самом деле я не знаю, просто хочу получить поддержку, так как было бы неплохо сделать это анонимно, для чего я приложу все возможности и силы. Мне надоели даже веющие от моих родных и меня олеаты (Примечание автора: Олеат – Фармакологический препарат, смесь раствора алкалоида или основания олеиновой кислоты). Однако каждый день меня заставляли это пить, впархивая, что для интеллекта. Я продолжал ходить в эту школу и смотреть на безразличные лица моих одноклассников с такой же ситуацией, но они о том ещё пока не ведали. Они не ведали ни замысел учителей перед ними, ни замысел медицинских работников, ждущих всех и каждого у капкана, меняясь там по традиции. И все они в постоянной от скуки охоте друг на друга только и ища причину на кого-то не по-детски напасть. Мама тоже пьёт какой-то олеат от боли и постоянно плачет, что нас оставили фактически рабами издеваться и всё, работая бухгалтером. Действующий медицинский метод меня совершенно не устраивал, но, как и все остальные, я мало что мог с этим сделать

вообще. Я решил учиться рисовать и находить краски, чтобы хоть что-то осталось маме, если меня не станет раньше, чем её. Я рисовал разные картины: рыбок, машины, использовал разные цвета и палитры, но маме всё не нравилось, так как она и не понимала, зачем ей это всё нужно, но я понимал. Сам факт, что я это сделал оставался даже сам по себе не только со мной и мне всегда хотелось в моих любимых жёлтых и оранжевых тонах рисовать ещё картины. Это разнообразие разных людей в нашем обыденном круге, где почти всегда приключение смертельно, заставляло теперь всех лишь страдать и остальные были по факту не в лучших настроениях, но лишь когда они одни. Я не понимал, что это Солнце всех и ест. Купив билет в кино в какой-то из дней, я пошёл с другом Эрнестом из параллели младших классов. Мне было 17, а ему 13 и больше с нами никто идти не захотел сначала.

– Всё ты сдашь, как и все, – говорил он мне обыденную лесть, – Из-за какого-то экзамена покончить жизнь самоубийством глупо, если ты не сдашь у тебя будут еще попытки пересдать, пусть даже если в следующем году.

– Нет, – честно ответил я ему, – а что мне делать, если не хватит баллов на поступление?

– Если не хватит баллов на поступление получишь среднее общее образование только, – ответил он, – при желании ты всегда можешь поступить в колледж после него поступить в вуз без ЕГЭ.

– Да, Вариантов много, – поддержал его я.

– Если не сдал – жизнь на этом не кончается, работу найти можно, закончил он перечислять мне возможные варианты, так как мы подходили к кинотеатру. Мы купили билеты, а остальные уже нас ждали в зале и смеялись, что мы их и не ждали встретить здесь.

– Вы же говорили, что с нами не хотите! – сердито пробурчал одному из них Эрнест.

– Мы передумали! – сказали нам они, – Да и всё равно у вас не рядом места.

Фильм начался и шёл около двух часов. Типичный триллер про убийства школьников демоном и больше ничего нового. Я ушёл в печали и без впечатлений. Мы пошли в бар и купили по недорогой газировке, сев болтать опять про школу. Не знаю откуда партизан узнал, но он начал говорить мне о моих страхах явно издеваясь, перебив меня при ответе Эрнесту:

– Так, стоп, ты делаешь все, что можешь, – хлопнул он меня по плечу с важным видом, – и знаешь, если ты не поступишь в топовый вуз, в этом ничего страшного нет.

– Почему нет? – уточнил я у него.

– Мир изменчив, – изображал он величие своего эго, – сейчас простые профессии на которые смотрели сверху вниз становятся необходимыми, можно получать огромную зарплату.

– А в армии? – смеялся над ним Эрнест.

– В армии, конечно, кому как повезет, – важно продолжил партизан, – но многие из моих знакомых нашли друзей, даже что-то смогли приобрести, а именно самостоятельность и уже хоть немногие мысли о том, что хочется от жизни.

– А что тебе хочется от жизни? – спросил я партизана.

– Не переживай, что не делается в жизни, это к лучшему, – авторитетно от отказался от ответа, – лучше год в армии, чем четыре года на специальности, которая не нравиться.

Его перебил какой-то его одноклассник, которого я не знал.

– Погоди, дай я ему скажу, – сказал он ему.

– А как тебя зовут? – уточнил я.

– Я Евгений. На счёт твоих опасений хочу спросить. ЕГЭ – типа смысл жизни? Что-то ооочень важное?))) – смеялся он с Эрнестом надо мной.

– Поясню проще, – объяснился я, – образование сейчас…

– Где образование? – докопался партизан.

– Ну, у нас, – застопорился даже я, – хотя и в ближнем зарубежье тоже.

– А откуда ты знаешь? – спросил он.

– Ото всех и многих, а что? – удивился я его возмущению в вопросе.

– Это ничего, – опроверг Евгений значимость моего ответа, – Пустота.

– Возможно ты и прав, – сглаживал я ситуацию, – знаю кучу людей, кто с образованием сосет лапу.

– И наоборот много тех, кто без вышки добился и немалого, – согласился Евгений, – если в общем.

– Да, – согласился Эрнест, – главное – иди по зову сердца.

– Занимайся тем, что нравится, воодушевлял партизан, – при этом, конечно, желательно не делать всяких гадостей и приносить пользу обществу.

– А чем им пользу принести? – уточнил я у ребят, – хоть корзины плети, хоть на гитаре играй.

– Только, конечно, старайся)) – смеялся Эрнест, – чтоб тебе за это деньги еще платили.

– И все? – удивился я.

– Нет, – покраснел Евгений от смеха, – ни нарадуются потом на тебя родители)

– Не думай о репетах, – ржал с ним надо мной Эрнест.

– Деньги – преходяще-уходящее дело, – продолжал Евгений, – потом отработаешь и вернешь, если что)

Эрнест и Евгений даже за животы от хохота схватились, и я не понимал почему. Сидящий недалеко от нас мужчина внезапно присел с нами:

– Я сам преподаватель)) Так что мне верить можно, – начал он подключаться к нашей беседе, – учиться это хорошо.

– Это правильно, – согласился я с ним, – лишним может и не будет, но это не самое важное и главное в жизни, как ни крути.

– Так что все ок, – похлопал он меня по плечу, вставая, – выше нос.

– Да, кстати, – крикнул я ему напоследок, – сейчас гораздо можно быстрее и эффективнее выучиться на профессию самому… Без ВУЗа… Имейте в виду.

– И время сэкономится и толку может быть даже больше, – попрощался с ним Евгений, но с ним начал ругаться партизан.

– Ты обломал нам всё, – с ним кивал Эрнест, но я не подавал вообще интерес, – зачем ты его поддержал?

– Я не знал же, что он тебе не нравится, – отмахнулся от них он.

Партизан больше не стал и разговаривать, а выволок его на улицу за шкирку. Эрнест ушёл с ними, и я остался один. Он явно его там бил, но я не стал на помощь им и выходить, зато зашли двое моих знакомых и присели рядом, подметив, что Эрнест бьёт Евгения даже сильнее.

Мой знакомый из параллельного класса купил чай с лимоном в пластиковом стаканчике и сел рядом с нами. Вторая была девочка, Анна, но я её считал пацаном, так как она была очень красивая. Попивая чай мой знакомый завёл со мной разговор о ЕГЭ и я, как заведено, поделился своими ожиданиями, на что он ответил:

– Олег, если бы родители знали, что сейчас (перед ЕГЭ) стоит у тебя вопрос: жизнь или смерть, то им бы на 1000% было бы наплевать на твои баллы по ЕГЭ, – посмеялся он надо мной, – профессию можно освоить до 35 лет.

– У тебя тоже вагон времени!! – засмеялся я с ним, – сходи

в армию.

– Это очень по-мужски, – скептически прокомментировала Анна, – реально это сделает тебя более твердым и цельным человеком в сравнении с твоими сверстниками, хотя ты и так очень интересный молодой человек.

– Никогда не сравнивай мои успехи с успехами других, – отрекался я от её глупости, – ты сможешь собой гордиться и самостоятельно, так как жизнь не раз предоставит тебе возможности проявить себя.

– И баллы по ЕГЭ никакой не показатель ценности человека, – попивая чай с лимоном прокомментировал мой знакомый.

– Размер твоего заработка в будущем будет беспокоить только ЧУЖИХ людей, – сказал я знакомому за чаем, – я пророк.

– Я вижу, – продолжал он пить чай с лимоном.

К нам вернулись Эрнест, Евгений с синяками и партизан, желая вместе уже уйти в кафе. Я купил пирожок на остаток денег, а Анна с ними начала разговор:

– Привет, ребят, – сказал она им, и они ответили тем же, – а вы сдали ЕГЭ?

– Нам ещё не скоро, – ответили они ей.

– Слушай я тоже не сдала эге, – сказал она им, – Я мечтала быть психотерапевтом и хочу сказать, что я не сделала ничего для уверенной сдачи.

– Ты, как я поглядел, – иронизировал я, – этому очень

радуешься.

– Я не сдала и поняла, что мне это и не нужно, – объяснила она, – я жила с мамой год после этого, работала и копила на свой бизнес.

– А как ты начала. – поинтересовался партизан.

– Я начала с малого, глупо, но с китайских сайтов я закупилась милыми приколюшками, – пояснила она, – потому что в России этого нет. И сейчас на простой перепродаже я получаю от 80к в месяц.

– Стоит ли того это образование? – спросил я у неё.

– Не отчаивайся и задумайся над другими идеями заработка, – объяснила она, – ты обязательно найдешь что-то свое.

– Надеюсь, – сказал я (Олег), – Спасибо всем, для меня это очень важно, всех благодарю за поддержку)

На этом мы разошлись, и я побрёл домой пешком. Меня с каждым днём шатало от этих олеатов всё больше и больше, но мама заставляла меня их пить. Два месяца я ещё ходил в школу, а потом меня стало скручивать и мне было тяжело двигаться. Чтобы всё было побыстрее, моя мама сказала мне лежачему напоследок:

– Умри! – налила мне в рот воду и зажала мне его с носом. Я не мог двигаться и сопротивляться, но не умирал и в итоге её затрясло, а я от ужаса не знал, что делать, так как не хотел ей мешать, но и так жить уже желания у меня не было. Я психанул, ушёл на кухню и просто проткнул себе сердце ножом

и быстро, но тоже не умер. Я в страхе закричал. Мама тоже кричала. Я попытался опять, но рука не слушалась меня.

– Где моя смерть, сволочь? – вскричал я на неё, – где?

Она заревела, не зная, что мне ответить. Я попробовать только хотел выпить залпом все эти олеаты, но услышал над собой смех того, о чём давно в курсе:

– Мы тебе даже клоуна изобразило от лампочек и твоих грёз! – алчно смеялось надо мной оно, – ты попроси, может убьём.

– Давай, – согласился я и начал ждать.

Мама проткнула мне затылок ножом, но в дикой моей агонии оно уже опять встало мной и на неё посмотрело, со мной сказав:

– Ты не имеешь права меня убивать, раз дерзнула стать моим родителем, – объяснил я ей, – за что?

– Я не знала же, – начала она плакать, – Я не знала же! Я не знала же! Я не знала же!

Я точно также не знал, что теперь и делать. Я не умер, а куча смертельных ран. Я побился головой о стенку, чашки и тарелки: не помогло. Я всё ещё был жив и ранен смертельно, но умереть не мог. Через шесть месяцев я сдал ЕГЭ на отлично, постоянно закрывая смертельную, но уже зажившую значительно рану шарфом. Школа завершена. Мне до ужаса здесь было скучно. Тепла от матери теперь в моей жизни тоже не осталось. Я пошёл на улицу в надежде, что наконец будет хотя бы киллер.

Сейчас у меня такое чувство, что я на финишной прямой своей жизни и мне невозможно помочь. Я действительно ненавижу все в себе: свою внешность, отсутствие воли, способностей, талантов. Абсолютно всё во мне провально. Во мне нет ни единого положительного качества. Я просто жду, когда все это закончится и девочка, что идёт впереди меня по этой аллее считает точно также. Я не мог не докопаться до неё:

– Привет! – сказал я ей.

– Уйди! – ответила она.

– А почему уйти? – узнал я у неё.

– У меня всегда были силы бороться с навязчивыми мыслями и комплексами, но чем дольше я их игнорировала, тем труднее это становилось, – начала она рассказ.

– И сейчас ты бы сказала, – показал я ей, что мы похожи, – «сейчас у меня такое чувство, что я на финишной прямой своей жизни и мне невозможно помочь. Я действительно ненавижу все в себе: свою внешность, отсутствие воли, способностей, талантов. Абсолютно всё во мне провально. Во мне нет ни единого положительного качества…»

– Слушай, а да, – удивилась она моей проницательности, – но я не могу покончить с собой, потому что это не переживёт мой любимый человек.

Я был разочарован. Это полный провал для всех моих от этого знакомства ожиданий.

– Он хочет, чтобы я получила помощь, но у меня нет же-

лания спасать себя, – продолжила она рассказ о своей жизни, – я не вижу в этом смысла. Я хочу убить себя, но слишком слаба для этого.

– Родители не помогут, – сразу сказал я ей.

– Да, – согласилась она, – только в церковь возят. Я просто жду, когда все это закончится.

– Я одновременно и хочу, чтобы мне помогли, – сказал я уже о себе, – но и не могу принять помощь.

Я тоже, – ответила она мне, – кажется, будто я её не заслужила.

Я вспомнил мою умершую знакомую и посоветовал ей:

– Влада, – обратился я к ней вежливо и посвежее, – вам нужно обратиться к психологу, чтобы понять от куда все эти причины всего этого…

Скорость опера ко мне после этих слов была быстра на столько, что я не успел и опомниться… и возможно психиатру, что вскоре смотрел на меня в клинике это странным и не показалось…

– В этом нет ничего страшного… – сказал он мне, – вам помогут…

Сказал, но пока отпустил живым. Влада ждала меня снаружи с доброй улыбкой.

– Много лет назад я считала себя ничтожеством и плохим человеком… – сказала она мне холодно, – сейчас все хорошо, после посещения специалистов…

– Желаю вам добра! – ответил я и смылся далеко и быст-

ро. Однако дело с Владой не было так чисто. Я стоя около деревьев наблюдал. К ней подошла ей подруга. Разговор тихонько я застал:

– Здравствуй, Влада! – сказала ей женщина немного её старше, но не взрослая ещё, – ты описываешь депрессию – при депрессии помогает психиатр и назначение антидепрессантов вкупе с психотерапией.

– Здравствуй, Лясинэ, – ответила она ей, – вы опять убили женщину на ваши делишки с Судьбой?

– Попробуй позвонить на телефон доверия для подростков, послушай, что скажут специалисты: 8-800-2000-122, – ответила она совершенно спокойно, – Удачи!

И она её покинула, явно ожидая однозначность её решения. Я ощутил искушение поиздеваться… Я не мог сопротивляться этому искушению и, купив недалеко от здания клиники в летнем буфетике чай с лимоном, я подошёл вновь до неё докопаться:

– Влада, Вас любят, – сказал на её умирающий взгляд, – Вы нужны.

– Для чего? – удивилась она.

– У Вас есть очень ценные для женщин положительные качества: доброта, искренность, милосердие, сочувствие, – начал я ей объяснять, – то есть женские черты, которые почему-то сейчас не в моде.

Влада авторитетно объяснилась:

– Интернет навязал нам моду на ценные человеческие ка-

чества: силу воли, целеустремленность, интеллект, которые ведут к успеху в материальном плане, а ведь это мужские характеристики.

– Женские качества очень ценны в отношениях, – оспорил я её оценку в скромности, – именно благодаря им Вы нужны Вашим близким, потому что женщина должна отдать себя семье: мужу, детям, родителям.

И вновь она орала на меня, утолив мою жажду ностальгии по женским крикам:

– Это не мой смысл жизни! Я так не хочу!

– А какой еще смысл жизни Вы хотите искать? – уточнил я у неё с дьявольским смешком, – и в восточных культурах считается, что отсутствие талантов у женщины – это самое большое благо для семейной жизни.

– Что ты мне навязываешь отаву за траву? – кричала она дальше, – и? В чём связь между мной, тобой и восточными культурами?

– Ваша внешность устраивает Вашего молодого человека и ничего не нужно делать с нею, – обложил я себя желанием нашего с ней будущего в гоноре, – не сравнивайте себя с инстаграмными дивами.

– Ох ты! – иронизировала она, – а почему? Ужасно, если я так делаю. Что ещё мне не делать?

– Не обращайте внимание на женщин, которые все время хотят усовершенствовать в себе что-то, – не прекращал я стебаться, – на таких людях компании зарабатывают деньги:

пластические хирурги, косметологи и прочие, и прочие.

– Инстаграмм кишит постами об уроках стиля и красоты, – авторитетно очень защищала она инстаграмм, – в них всегда есть скрытая реклама, подталкивающая женщин потратиться на услуги пластических хирургов, косметологов, маникюрщиц и т. д.

– А где еще этим компаниям и предпринимателям делать рекламу на свой бизнес? – уточнил я у неё, не удержавшись вновь постебаться.

– По оттаве пусть и делают, – зашипела Влада, – достали.

– Поэтому меньше просматривайте соцсети, не слушайте блогеров, купите интересные книги, заведите домашних животных, занимайтесь больше спортом, – продолжал я смеяться, – вот заведите привычку с Вашим молодым человеком ходить на бадминтон или в бассейн.

– Да, о своей даже потенциальной выгоде ты не забыл, – возмущалась она, – ведь это дает много положительных эмоций. А про смысл жизни: не нужно спасать человечество.

– Да, – согласился я с ней, – есть заповедь: помоги своему ближнему и тебе воздастся.

Внезапно к нам опять подошла врач с глазами Саддама Хусейна, поздоровавшись:

– Ищи позитив.

– Что вы имеете ввиду? – удивилась моя спутница.

– Несмотря на то, что, по твоему мнению, у тебя что-то не так с внешностью, – начала она тоже нотации, – любимый

человек есть.

– А меня и внешность твоя устраивает, – поддержал я Владу, но при этом, – отсутствие талантов и чего-то там ещё – ну и что?

– Да, – согласилась врач, не назвавшая имени, – это тебя никак не обесценивает, это не значит, что ты хуже тех, у кого есть таланты.

– Да, да, – кивала ей Влада, – каждому свое.

– Да, да, да, – сказал я им обоим, как мужчина, – главное – счастье в жизни.

– Его не таланты приносят, а прежде всего наверно принятие себя таким, какой ты есть, – сказала эта старуха-врач уже про меня и откланялась быстрее.

Однако, чем больше мы отходили от этой больницы, тем сильнее некий там отдел словно звал нас умереть за более властных и сильных людей, раненных совершенно случайно. И вновь ещё одна более старшая возрастом Влады перед нами с нами здоровается, чтобы объяснить нам всё, что мы делаем неправильно в её глазах:

– Привет, Влада, – милая улыбка с отпором всему человеческому заставила нас проявить ей почитание, – ты заканчиваешь школу, верно?

– Верно, – ответила Влада, мне мешая.

– У меня тоже такие мысли были в это время, – продолжила врач, – то было всё привычно: и завтра, и через месяц, и через год ты пойдёшь в школу, а тут вдруг скоро расста-

ваться со знакомыми лицами в классе, уклад жизни меняется, родительские ожидания давят. Всё чаще говорят о ЕГЭ. Я сама прошла этот путь, и поверь мне: есть жизнь после школы! ЕГЭ – это не страшно вообще: сама сдавала, все эти комиссии, камеры – ерунда, если честно.

– Обязательно в России только среднее образование, – сказал я им обоим, но устремил к Владе сказанное, наконец, – ты не обязана дальше поступать в определённый вуз в определённое время. Это только твоё право, можешь пойти работать.

– Что такое таланты? – осталась эта женщина недовольной, – вспоминаю стихотворение Михалкова «Недотёпа».

– Что, люди, которые делают добро в мире, все с детства отмечены как одарённые? – возмутилась на её намёк Влада, – Нет.

– Святые читать не умели, болели, плохо разговаривали, но это им не помешало, – начала она копать почву её смерти, – талант веры в Бога и любви дан каждому.

– У тебя есть здоровье, что тоже дар, – сказал ей я с тяжёлым сердцем, – возможность иметь детей.

– Да, – согласилась она со мной, – здоровый интеллект, позволяющий понимать людей и отвечать за свои поступки.

– Этого разве мало? – спросила эта женщина у меня уже, – кстати, одарённость – это не только овации и доска почёта, но и ответственность.

Мы продолжали идти после следующей остановки, пока

болтали, и я поддерживал разговор:

– Да, я помню, – сказал я, далее цитируя постоянное, – не зарыть талант в землю.

– Людям определённых видов деятельности приходится соблюдать некоторые ограничения, – сделала ей Влада тонкое замечание, – военным и госслужащим нельзя жить за границей, музыкантам – заниматься борьбой.

– История моды больше похожа на записки психиатра о твоей работе, – засмеялась она на её ей замечание, – есть мышьяк, идти зимой в мокром платье, яд в глаза.

– Какие дельные вы даёте советы! – заметил я, – сейчас не лучше.

– Героиновый шик нулевых из моего детства – подражание образу наркоманки, – смеялась Влада, – заморить себя голодом до смерти.

– Совершенно верно, – радовалась врач, – об этом есть стихотворение «Красота» («По Монако идёт иммигрантка»).

– Не корми отрасли, спонсирующие эти извращения, – упрекнул я уже Владу, – не надо осложнять себе жизнь, не надо всех этих декоративных косметик, неудобной одежды и диет. Даже на праздник, потому что ты его половину теряешь.

Психиатр не так меня очевидно поняла:

– Ненужные вещества на коже и колготки в мороз – это не красиво, – дала она отпор всякой фантазии, – это даже грех, потому что человек отвергает волю Божию, давшую

каждому свой цвет волос и своё лицо. Твой парень как Паоло! Не дурак и знает это. Выходи за него замуж, не слушай никакие дурные стереотипы, что надо нагуляться до 30. Никаких сожительств и абортов, дети в любом возрасте – не рано и не поздно, а по воле Божией в самое нужное время. Моя мама прекрасно выучилась в вузе, когда мне было 3 года, а на права и машину купила, когда мне было 2.

– Я пришла в церковь в 16 лет, – ответила Влада ей на это, – нет опыта детской веры, но могу сказать, что приходишь не к обрядам, не к работникам церкви, а к самому Богу.

– Не бойся каяться, – смеялась дьяволица, – священник – лишь свидетель.

– Расскажи об этих мыслях о забудь их, – сказал я Владе с беспокойством, – лучше сейчас перед одним человеком, чем на Страшном Суде перед всем миром.

– Что прямо перед всем? – удивилась она.

– Прямо перед всем, – ответил ей я, напугав врача, что была с нами на столько, что она отпрянула бледная.

Мы же шли час и вот рядом кофейня. Мест почти не было, и мы подсели к пожилому мужчине по имени Иван, заказав два патара (Примечание автора: PÅTÅR Кофе молотый, сильной обжарки -., сертификат UTZ/100% зерна Арабики.). Официант и спрашивать у нас подробности не стал: нам всё принесли, и мы сразу оплатили счёт, хотя мне и пришлось звонить маме и просить на патар денег. Иван начал

тоже вникать в наш разговор:

– Здравствуйте, Влада.

Мы тоже с ним поздоровались. Навязчивые мысли и комплексы нельзя игнорировать, это нужно преодолевать внутри себя, где преодоление – это исправление этого комплекса в такой ориентации, где соседство с другими особями допускает с ними общение, а не убийство. Ведь негативные мысли способны накапливаться и тогда происходит психологический взрыв (Перевод фразы от автора: на самом деле «негатив» – это на вас сместили парадоксальность общения и вам оставили как с ложкой оставить у косяка двери, положив сверху куриное яйцо. Даже не берегите это яйцо. Просто оставьте на твердыне сразу.).

– Нужно этот негатив прорабатывать, – объяснял он нам, – Вы говорите, что у вас нет ни одного положительного качества.

– Это неправда, – даже я с ней не согласился сразу, – ведь каждый человек – это творение Божье.

Влада на это разозлилась:

– А у Бога бракованных людей нет, – сказала она мне с Иваном, – значит вы заблуждаетесь относительно себя.

– Даже то, что вы думаете о любимом человеке – уже доказывает, что вы не эгоистка и можете думать о других, – продолжил с одобрением к её мнению Иван, – что вы посещаете церковь это уже хорошо. Нужно не противиться Богу и дать Ему свободу помочь вам, а Он хочет помочь, ведь

Господь пострадал на кресте, чтобы дать нам освобождение от грехов наших, ценой Своей святой крови.

– Вот, вы верно сказали, – сказала ему Влада, – вам нужно принять это и перестать себя осуждать.

Иван задумчиво встал и вышел из кофейни. Мы с Владой тоже вышли и на улице печально на нас сразу у входа, словно нас ожидая, смотрела старушка:

– Здравствуйте молодые люди, – поздоровалась она, – вы просто находитесь накануне нового этапа в своей жизни и не надо бояться своего сложного состояния, оно бывает у всех и чаще, чем вам кажется. Вы сильнее многих уже в том, что это озвучили.

– Как хорошо, что родители водят нас в Православную церковь! – возгласил я, – вы попросите Бога о вразумлении, Он ответит – через людей, через события.

– Если Вы слишком долго оставите себя в этом состоянии, то заболеете, – предостерегла нас бабушка, – а это уже серьёзная проблема: лекарства, деньги, внешний вид и т. д.

– Всего Вам доброго! – попрощались мы с ней побыстрее и пошли дальше по городу.

Мы словно служили друг для друга пелтами от них. (Примечание автора: ПЕЛТА (греч.). Небольшой, легкий щит, наподобие полумесяца или плющевого листа). Однако где пелта, там и меч. С нами поздоровалась самая из в этот день встречных подозрительная:

– Здравствуйте, я Ирина, – сказала она нам, – для начала –

не ищите спасения, спокойствия в суициде.

– Вы надоели уже, – попытался я ей объяснить, – это кажется всё красивым, романтичным, закрыли глаза – и рай.

– На самом деле суицид – это очень больно, страшно, до ужаса, до мурашек, – продолжила она их общую угрозу, – состояние безысходности, когда хочется вернуть всё назад, но уже поздно, а потом вечные муки в аду.

– Вы почитайте рассказы о самоубийстве, что на самом деле испытывали люди, – Вернул я её на Землю с небес, – решившись на страшное.

– Плюс ко всему большая вероятность остаться инвалидом, – дополнила мой упрёк с ей уже предостережением Влада, – представьте – из здоровой девочки вдруг превратиться в калеку – не иметь возможности ходить/говорить/слышать/видеть и т. д.

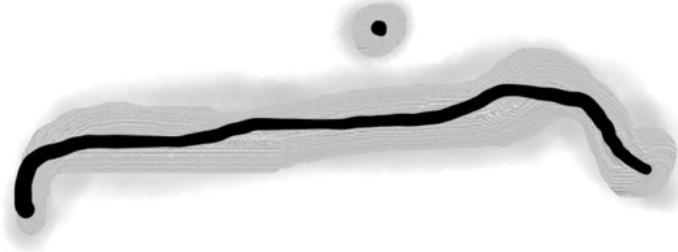
– У вас есть родные, близкие, парень, – с завистью сказала нам она, – есть к чему стремиться в этой жизни.

– Захотите ЖИТЬ! – закричал я в воодушевлении, – Боритесь!

– Храни вас Бог, сказала на её приближение быстро Влада, и мы побежали от неё.

Она достала электрошокер и повалила меня на асфальт, начав им бить меня в затылок. Остальные встречные сегодня, включая Владу начали ей помогать и пинать меня ногами и после они отвезли меня в психиатрическую, сказав моим родителям, что я в шоке от нападения бандитов. Каж-

дый день мне просто что-то вкалывали и даже со мной никто не разговаривал. Я в итоге лишь помнил свою маму, которой просто сказали, что я не пережил это избиение и к моему трупу они меня раз за разом призывали, внушая моей былой маме, что я проклят в вечном Аду за слабость и беспотомственность. Они оскверняли меня обзывательством мёртвым, а я был беспомощен и понимал, что они хотят моё рождение изувеченным теперь сразу, чтобы доказывать, что они меня съели и теперь имеют надо мной вечное их плотское усиление. Затем моя мама не выдержала их пытки по мне и совершила самоубийство, так как отец после моей смерти к ней охолодел. Они лишь смеялись, разделывая её органы в морге на продажу, а мою мумию нужно было использовать кому-то донорским каркасом, имитируя их заказчика потом Богом, воскресшим из мёртвых. Я, пока был жив не знал, что им кто-то может быть нужен на столько сильнее, чем я. Я не знал, что кто-то меня на столько лучше, что меня разрешено так убить ради того, чтобы он меня на таких условиях пережил за деньги. Я не знал…

Анна

Посвящается ныне живой Анне,
Что выстояла с её родными
Бескрайнее вынуждение к выселению
За неуплату долга ЖКХ…

«Иногда мне кажется, что я действительно никого не люблю и причиняю близким только обиды и боль… и без меня им будет легче… я устала от жизни, от себя, ничего не жду и мне все равно что будет завтра, делаю все на автомате. Уверена, родственники, будут любить моего ребёнка, я не могу ему дать нежности, любви и теплоты, этого ничего нет у меня, жизнь моя не имеет смысла… меня разъедает состояние никчемности и ненависти к себе, я больше не хочу никому причинять боль и страдания…» – так считаю я всю жизнь и причинение этой обиды им стало моим жизненным кредо. Одно сплошное стихотворение Плавта (Примечание автора: Плавт – Тит Макций (Plautus) – гениальный поэт, важнейший представитель римской комедии). Я часто уже не знала, что мне и делать, так как даже от разных товаров на продаже часто веяло умершими их производя. Мне было тошно здесь даже находиться, так как приятней было даже обнаружение мест, где просто ничего нет, включая умерших в слезах и запаха крови от алчности ныне пока живых по чисто их же

злобе. Врачи стали верить, что без злобы покой – это только смерть и ничего иного быть и не может. Нормальных лекарств почти не было, денег все не давали из-за изъятия валюты по стране в связи с капитуляцией в пользу США. Однако США не были и нужны здесь территории. Им просто навязали, что тут всё равно холодно и от того все умрут неизбежно. Все в это веря просто от того и умирали, не ведая даже как вообще они верят. В итоге этой обыденности я не смогла этих садистов превзойти: как я не издевалась, а делала это только иногда и дальше обиды никого у меня довести до смерти и не получилось. Они лишь радовались, так как их избавляло тягой от удушья. Жёлтые лучики разных оттенков с неба походили на золото и немного освещали и радовали меня в моём одиночестве при таком моём с моими близкими отношении. Мне 33 года, я ненавижу себя. Я разучилась радоваться жизни, нет целей и стремлений, кажется даже нет эмоций, одна пустота. Месяц назад ушла от мужа, все 3 года декрета, муж самоутверждался за счёт меня, унижал и критиковал. У нас не было своего жилья, при этом строил дом своей маме. Я с ребёнком была практически одна. Потом ещё узнала, что все это время делал ставки на спорт, должен теперь около 1 млн. Я уехала в родной город к родителям. Умирает отец…

Не могу найти общий язык с ребёнком, ему 3 года, постоянные капризы и истерики на ровном месте, меня от этого трясёт.

С мамой общаться нормально не могу… постоянные упреки, критика, что не люблю своего ребёнка и все его истерики из-за меня. Упрекает бывшим мужем, постоянно говорит, что я злая и всем плохо от моей злости, что я думаю только о себе… думаю она права. Заработная плата у меня небольшая и я не смогу обеспечить достойное будущее своему ребёнку. Иногда мне кажется, что я действительно никого не люблю и причиняю близким только обиды и боль… и без меня им будет легче… я устала от жизни, от себя, ничего не жду и мне все равно что будет завтра, делаю все на автомате. Уверена, родственники, будут любить моего ребёнка, я не могу ему дать нежности, любви и теплоты, этого ничего нет у меня, жизнь моя не имеет смысла… меня разъедает состояние никчемности и ненависти к себе, я больше не хочу никому причинять боль и страдания…

Я уже хотела совершить как получится самоубийство, но едва-едва под плеер я удержалась. Далее баня дома в утайке от впаренного коллективного «я» через генетическую астральную волну общей наивности умершего «я» и мне уже было полегчало. Сейчас семьи не такие большие, как раньше, включительно и у меня. Так ли это? По факту конечно нет и названия близким людям дают разные. Я хотела бы дожить до появления у меня внуков, но у меня был только мой ребёнок. Мою дочку я назвала Лясинэ в честь известного в нашем городе врача. Она. Видя моё поднявшееся настроение не могла реагировать безразлично:

– Здравствуй, мам! По твоему настроению я делаю вывод, что у тебя, возможно, депрессия, – начала она мне показывать свою осведомлённость моей трагедией, – обратись к психиатру, чтобы исключить или подтвердить этот смертельно опасный диагноз.

– Да. Верно говоришь, – сказала я ей, – однако я уже это сделала ранее. У меня на фоне депрессии было три попытки суицида, потом подобрали работающую схему терапии и эти мысли полностью ушли.

– Удачи им тогда! – сказала она мне, – всё будет норм.

И пошла дальше играть. Попозже я сделала себе чай с лимоном и Лясинэ снова пришла со мной болтать:

– Мам, а ты делала аборт? – спросила она меня, и я побледнела, – Он ведь ангелочек, правда? Тебе говорили: «Относитесь к ребенку только так: он – воплощенный ангел».

– Отвали! – закричала я на неё, но она продолжила, заставляя меня бледнеть:

– Пока он маленький, он был твоя забота и смысл твоей жизни, – продолжала она, – когда он вырос не твоим сыном, он всё равно стал твоей опорой, защитой. Он на тебя вообще, как ты считала не злился. Если он плачет в истерике, это конечно от недостатка любви к нему там, где он теперь.

– Ему очень нужна можешь быть ты живая, любящая, – сказала я ей, – Прими тот факт, что наша семейная жизнь не сложилась из-за твоего отца.

– Очень трудно быть счастливой любящей мамой, когда

все плохо, – согласилась она со мной отчасти, – Ну ладно, ну такая сложная у нас судьба.

– Да, – сказала я дочери, – Надо жить, работать.

– Ты верно подметила, – сказала Лясинэ, – Каждый день помаленьку находить радость в мелочах.

– Да, – согласилась с ней я, – настраиваться на хорошее.

– Все образуется, – погладила меня Лясинэ по голове. – Со временем.

– Да, – согласилась я, – Нужно время, может быть много времени, чтобы все хорошо сложилось, и нужно много терпения.

В дверь позвонил повал, и мы им не открыли, но мама спросила через закрытую что им нужно от нас:

– Я Вам желаю много-много сил и терпения чтобы отпустить ситуацию с мужем, своими родителями, – сказала мне из-за двери женщина в белом халате, – Постарайтесь не оценивать себя глазами Вашей мамы.

Дальше я была удивлена, когда сзади к ней уже шла моя мама, которую звали Анастасия:

– Простите мою дочь, – сказала она ей, – Она очень обеспокоена Вашим будущим, конечно события вашей семейной жизни в ее жизненные планы не входили.

– Ее в первую очередь беспокоит, сможет ли она помочь Вам, ответила ей врач, – Вы должны помнить, что Ваши родители всегда на Вашей стороне, чтобы они не говорили,

и они всегда Вам помогут.

– Из гроба помогут мне в моём возрасте? – заинтересованно спросила у неё она, – А когда у Вас все наладится, Вы сами будете помогать им.

Я не выдержала и открыла матери, попросив врача уходить, но она продолжила уже мне:

– Я уверена, что Вы встретите другого мужчину, – бросала она мне мой будущий повал, – это будет обязательно.

– И у вас всё будет, – сказала ей мама, – Только потерпите и живите спокойно.

– Все будет хорошо у всех нас, – попрощалась она перед уходом.

Она ушла, и мама зашла в квартиру, как в дом.

– Ну, здравствуйте, сударыня, – иронизировала она, надо мной смеясь, – что вы как дикий ангел воете аж до посещений?

Я пожала плечами, а она продолжала раздеваться с улицы, повесив пиджак на вешалку.

– Нормативный кризис 3 лет, почитайте об этом с Лясинэ, – пояснила она мне авторитетно, – Если ходит в садик, поговорите с педагогами.

– Это перерастается, – вспомнила я, – я знаю. Также знаю людей, которые в детстве были очень вредными, а потом выросли в нормальных и интересных.

– Ничто не мешает нашим родственникам любить нашего ребёнка сейчас, – намекнула она мне на очевидное, – смерть

для этого не нужна. Пусть гостит у них, ведь у старших меньше времени осталось.

– Да наконец-то ты это сказала! – закричала я, – И что такое «достойное будущее»? Наша перевёрнутая цивилизация представляет это как большие деньги или растворение в детях.

– «Совершенно верно, дорогая», – сказала моя мать, – Но так ли это важно на самом деле?

– Да, – ответила я ей, – это важно.

А да ли? – ответила мать вопросом на вопрос, – Если да, то почему мажоры умирают от наркоты и разбиваются на дорогих машинах?

– От «достойного будущего»! – крикнула я то, что она верно и ожидает, – Элитная школа, лучшие репетиторы и счёт в швейцарском банке не застраховали старшего брата от убийства матери, младшего – от избиения ровесницы до полусмерти.

– Пирамида Маслоу – это заблуждение, на деле низший уровень будет пожирать всё больше и больше, – пояснила мама по старинному опыту, – Богатые страны вязнут в Содоме, а страдающие от войн жертвуют жизнью за близких.

– Даже статистика говорит, что уровень счастья обратно пропорционален уровню жизни, – согласилась я с ней, – Герои, святые – из тех, кто делил валенки с братьями-сёстрами и рубил дрова в студёную зимнюю пору.

– Эту пирамиду надо перевернуть, – намекнула мать уже

о своём действии, – Начать с духовного воспитания.

– Ты как они решила? – заорала я на это, – «Водите сына в церковь, в воскресную школу»?! – Ну а что? – удивилась она, – у тебя и сына нет, а там и друзья будут, и та приятность, радость, которую он будет ждать всю неделю. Если не прямо совсем не понравится какое-либо занятие в воскресной школе – не дави!

– Не надо добровольное делать тоскливой повинностью, – упрекнула я её, – Я вот, например, не любитель поделок, даже в вузе делала макеты цифровой картинкой.

– Да просто и самой надо иметь веру, без этого трудно и тоскливо жить, – возмущалась мать, – Вы с Лясинэ имеете полное право строить новые отношения, не надо, как говорят некоторые люди, посвящать себя ребёнку или в её случае нежелательным сверстникам. Наоборот, это плохо, получается психологический брак потом.

– Или страшнее… – испугалась я.

В этот момент за окном слышался глухой стук о деревянные поверхности человеческого мяса. Комсомольский подол моей матери даже вздрогнул вместе с ней. В дверь послышался стук чем-то мягким. Мы бледные отправили открывать первую дверь Лясинэ и узнать, кто там. Она притворилась мной:

– Здравствуйте, вы кто? – спросила она. Ответил мужчина средних лет:

– Я Иван! Приятно с вами познакомиться, – ответил ей

он, – Здравствуйте, Анна. Мне кажется вы просто психологически выгорели. И сейчас любая незначительная проблема будет для вас казаться чуть ли не катастрофой.

– Да что вы! – сказала Лясинэ ему, – Не хочу ставить диагнозов, я не врач, но думаю, что сходить к психотерапевту вам бы не помешало.

– Да, Анна, вы верно намекнули, – признался он, – Это намного лучше, чем думать о смерти. – А, ну да, – согласилась с ним Лясинэ, – при депрессии всегда посещают мысли уйти из жизни.

– Я тоже это когда-то проходил, – с сожалениями признался Иван, – И это скажу вам честно не лучшие годы моей жизни. Даже вспоминать жутко, лучше уж не вспоминать никогда.

– Но Бог дал вам силы справиться с этой болезнью, – сказала ему Лясинэ, – Поможет вам и теперь, нужно только с верой Его попросить.

– Да, – с неохотой согласился Иван с Анной, – Бог милосердный и любящий. Только Он может наполнить вашу душу любовью к ребенку. Ведь ему так же тяжело, видя, что вам плохо – из-за этого и капризничает. Дети чувствительны к эмоциональному состоянию родителей. Желаю вам пройти все трудности и начать счастливую жизнь.

Иван ушёл, а меня трясло от того, что он понимал, что с ним общается через закрытую дверь Лясинэ. В наши окна бросали останки от людей. С улицы шёл вопль на меня,

и я плакала. Пришла следующая женщина и вообще кричала меня в окно. Я подошла и увидела, что она прямо от трупа человека отрезает мясо, которым кидается и она ещё и не одна. Я приоткрыла окно, и она начала кричать:

– Анна! «Меня зовут Елена», – сказала она, – Пожалуйста, запомните: вы милая, добрая, ответственная и умная. Если кто-то будет Вам говорить что-то, то противоположное, немедленно выходите из помещения или просто переставайте слышать. Ваша мама расстроена и подавлена, она «не ведает, что творит».

– Вы кому это вообще? – заорала я на неё, зная, что она Лясинэ пытается это шептать.

– Лучше бы Вам сейчас поискать варианты отдельного жилья, – намекнула она мне о своём намерении, – Может, у подруги пожить или попросить помощи в реабилитационном центре?

Лясинэ широко раскрыла окно, меня оттолкнув и на неё закричала:

– Я понимаю, что Вы благополучнее здесь обитателей, – крикнула она ей дерзко, – но где-то то Вам надо прийти в себя. Вы как дьявольщина наезжаете.

– Вы молодец, что ушли от мужа, забудьте о нём навсегда, он вас не ценил, – начала она кричать уже мне за спиной Лясинэ, – Ну не способен, что с него взять-то?

– Понимаете, – оттолкнула я Лясинэ, – Вы – мягкий в общении человек. Таких людей очень любят. Просто надо на-

чинать общение с себе подобными.

– И ребёнка таким же воспитывать – крикнула она мне с явным намёком, – добрым и отзывчивым. Он сейчас плачет, но ровно до тех пор, пока плачете Вы. Все-таки-таки для начала смените место жительства.

– Мамины эмоции Вам сейчас не понести, поберегите себя! – окончательно её прогнала Лясинэ, меня оттолкнув от окна и закрыв его на этом опять.

Через два часа в окна кидали зародыши людей. Я для интереса, приоткрыв окно спросила женщину, как её зовут. Она хладнокровно представилась Ириной и начала обыденное для них:

– Здравствуйте! – кричала она в окно, пытаясь попасть в меня человеческим зародышем, – Анна, очень похоже на послеродовую депрессию.

– Да, – измученно согласилась я, – Хоть времени прошло и немало, но состояние очень схоже.

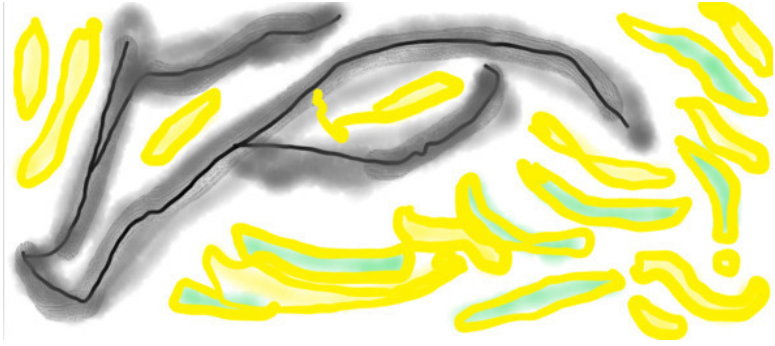
– Сходите к врачу, расскажите о состоянии, самочувствии, – продолжала она кидать при общении зародышами из ведра, от чего меня трясло, – вам помогут. По-другому взглянете и на ребенка, и на мир вокруг. Знаю, о чем сообщаю, так как двоюродная сестра тоже переживала подобное после родов. Была раздражительна, подавлена, вообще с частыми перепадами настроения, срывалась на близких, что говорить, мы не узнавали ее. После лечения – к нам вернулась прежняя Наташа, позитивная, открытая, любящая доч-

ку и всех родных.

– Здоровья вам! – попрощалась я с ней и закрыла быстрее окно.

Далее длань убийц начала действовать, и они стали выбивать нам дверь. Мы сидели дома, не зная, что делать и на нас просто сыпали остатки мыслей убитых людей по химической волне их боевых трансформаторов. Мы выключили свет и сидели втроём, друг друга обнимая и зная, что все мы не сумасшедшие и всё. Каждый день один из них там умирал, и волна иссякала. И сегодня снова были и есть мы, как и остался один из этих террористов. И где мы все были после? Мы были в этой же квартире и к нам до сих пор заходят с попытками убийств эти добрые и властные врачи…

Солнечный свет светил жёлтой улыбкой, когда они повторяют снова и снова, что здесь и вчера и сегодня остаёмся только мы. Остались только мы…

Марина

Я учусь плохо, за это мама мне сказала, что я шлюха,

грозится ждать в детдом, она сказала, что я ей НЕ НУЖНА,

Я сказала, что я не хочу с ней жить и хочу умереть.

Меня зовут Марина, мне 13 лет. Я учусь плохо, за это мама мне сказала, что я шлюха, грозится ждать в детдом. Она сказала, что я ей НЕ НУЖНА, я сказала, что я не хочу с ней жить и хочу умереть. На это она мне ответила: «Нож принести?» Я сказала, что нет. Сестра сказала, что не хочет меня видеть и что меня проще закопать. Мама покупает все сейчас только сестре, называет ее доченькой, заечкой, а меня даже по имени не называет. Помогите пожалуйста, я не знаю, что мне делать, но я всё-таки думаю о суициде.

Несмотря на скучные школьные дни, новый порте скрашивал мои настроения, когда я гуляла после школы. Я с мальчиками только целовалась, но не спала так, а мама каждый день продолжала кричать на меня, что я шлюха, тем не менее обеспечивая порте и прочей красивой одеждой. Она перед моим рождением мечтала взять вместо меня ребёнка из детского дома и каждый день мечтает меня тоже им просто отдать, чтобы я ей нервы не мотала. Намекая о замеченных мной давно чудовищах, она часто продолжала в наше

свободное время на меня кричать, что я ей не нужна. Я радовалась этим дням. В один из дней ко мне в школу пришла некая Лена, меня намеренно у учителей спрашивая. Представилась психологом и начала со мной беседу:

– Дорогая Марина! Мне очень жаль, что так сложилось. Ты знаешь, когда мне было 13 лет, у меня были похожие мысли, но, поверь, смерть – это невыход.

– Я понимаю, – ответила ей я, – что кажется, что ничего не исправить и все ужасно, но выход всегда есть.

– Да, – согласилась она, – на данный момент тебе нужно быть сильной.

– Но мне мама сказала, что я шлюха, – прослезилась я, – а шлюха не может быть сильной.

– Не сдавайся, – поддерживала она меня, – есть ли у тебя друзья?

– Нет, – плакала я дальше, – Есть ли кто-то у вас, кто может помочь с учебой? Я учусь плохо же.

– И где твой папа? – интересовалась у меня она.

– Папа умер, – сказала я ей.

– Сколько лет сестре? – уточнила она.

– Сестре как вам – 26 лет уже, – сказала я ей честно.

– Поверь, через несколько лет ты уже сможешь съехать от мамы, – обещала она мне, – начнешь свою самостоятельную жизнь, будешь двигаться к своим целям. Поставь цель и иди к ней несмотря на трудности! Все получится! Впереди тебя ждёт яркая жизнь! Если тебе трудно, пиши мне СМС

на этот номер (дала мне визитку), мне это всегда помогало.

Я взяла эту визитку и не знала даже, что с ней делать. Пошла и дальше сидела на этих уроках. Было до жути скучно. Хотелось гулять и использовать свои любимые платья, а не этим заниматься здесь. Хотелось уйти, но я сидела дальше. Под конец урока меня позвала из класса женщина – тоже психолог. Её звали Лясинэ.

– Здравствуй, Марина! – поздоровалась она холодным баритоном, – для подростков, оказавшихся в такой ситуации, есть специальная реабилитационная программа ВДАтин. Найди их в интернете. Это программа для подростков из алкогольных и дисфункциональных семей.

– Мне не нужно, – сказала я ей, – у меня нормальная семья.

– Ты описываешь дисфункциональную семью, – констатировала она, меня не спрашивая, – есть ещё телефон доверия для подростков: 8-800-2000-122. Позвони туда, послушай, что скажут специалисты. Удачи!

Я стояла, смотря, как она уходит со спины. Эта прель меня порядком достала. Вонизм их постоянных убийств беспомощного перед ними раздавался даже в моей школе. Перемена. Болтаю с одноклассницей об обыденном и общностном, лишь бы не с ними:

– Да никуда она тебя не сдаст, – объясняла она, – это просто разговоры, а помимо плохой учёбы, как ты себя ведёшь?

– Я спокойно слушаю в свой адрес разные угрозы. А что? –

уточнила я у неё.

– Мой брат тоже плохо учится, но от этого я на него не злюсь, – сказала она, констатируя надо мной семейную расправу, – Может не в учёбе дело?

– Я итак знаю, что это просто моя боль и их реакция на это, – объяснила я, – но они не остановятся от этого нюанса.

– Может ты хамишь, не слушаешься, не помогаешь, делаешь что-то крайне аморальное? – уточнила одноклассница.

– Вообще, да, – призналась я честно.

– Если да, надо признать, что у мамы есть повод злиться, и стараться исправлять себя, – начала она меня учить.

Мы подрались, но нас разняли мальчишки. Обошлось даже без синяков. Поволочились молча на полу и в итоге мы недисциплинированные.

Через два ещё урока мы ушли в столовую и купили по чаю с лимоном. Только мы обе хотели поболтать, к нам подсела наша школьная медсестра, начав опять всем известное:

– Марина, у Вас есть возможность рассказать о своих переживаниях другим родственникам? – поинтересовалась она.

– Я хочу умереть, а не рассказывать им о своих переживаниях, – объяснила я ей конкретнее, – у меня и родственников больше нет.

– Но Желательно рассказать дедушкам, – объяснила она, – Нужно чтобы помогли родственники мужского пола.

– Они бы меня зарезаться заставили, – объяснила я ситуацию, – и даже нож бы принесли.

– Попросите пожалуйста учительницу в школе, чтобы она помогла и поговорила с мамой, – продолжила она, – Найдите школьного психолога.

После она сразу встала и ушла по дальнейшим делам. Мы с подругой одичали от радости и свободы и, пропуская последний урок, продолжили болтать. С нами села ещё одна девочка их параллельного класса.

– Привет, Марина, – поздоровалась она со мной.

– Привет, – ответила я ей тем же.

– Я слышала, что ты плохо учишься? – уточнила она у меня.

– Да, – ответила я ей спокойно на вопрос, – Успехи в учёбе связаны с двумя факторами: способности и соответствие образовательной системе. Я не соответствую, но есть отличницы лёгкого поведения, а есть не умеющие читать, но прожившие всю жизнь с одним человеком в счастливой семье.

– Моя прабабушка всего 1 класс окончила, – призналась моя одноклассница, – другое дело, что учёба – твой труд сейчас, возможность получить знания. Что тебе мешает?

– Может, травят? – уточнила девочка из параллельного класса, – или не понимаешь отдельные предметы?

– Всё решаемо, – спокойно ответила я, – Спрашивай учителей (а им двоечники не нужны, особенно по экзаменам, в прошлом году намаялись уже), читай учебники, тестируйся

в Интернете, просто находишь тесты, выбираешь темы или класс.

– По нелюбимым предметам читай учебники просто как книги, – поддержала моя одноклассница беседу, – мне помогало. ОГЭ после 9 класса – совсем не страшно, я сдавала репетитору только пока.

– Массовый завал ОГЭ-2021 – это банальная уверенность в отмене из-за дистанта, – пояснила нам наша новая знакомая, – и на всякий экзамен есть пересдача, кстати.

– Профессиональное образование способен получить каждый человек без серьёзного диагноза по развитию, – сказала я всем, – Родители – люди со слабостями, только Бог всегда услышит.

– И святые, – подметила моя одноклассница.

– Молись, – уходя обронила девочка из параллели с угрозой.

Вечер и я наконец гуляю, оставив дома портфель с этими остатками тетрадок. Ко мне подошёл мужчина Иван, сразу мне представившись этим именем:

– Здравствуйте, Марина, – сказал он, – Я согласен с вами, что сложно терпеть такую несправедливость со стороны родной мамы, но все-таки думать о смерти и держать обиду не стоит. По нескольким причинам. Негативные мысли разрушают вашу еще не сложившуюся психику, а обида и злость разрушают душу. Без этих двух составляющих нельзя нормально жить. Ведь душа и дух – это основные составляю-

щие человека. Раньше медики считали, что в здоровом теле и дух здоровый. Но как показали многолетние наблюдения, то здоровый человек, легко может стать больным, если его дух и душа находится в плачевном состоянии.

– В нашем городе есть интернат для физически и умственно больных детей в общем инвалидов, – сказала я ему, что об этом знаю, – От них вообще отказались родители.

– Однажды я видел обитателей этих учреждений, – вспоминал он впечатления, – как этих детей вывезли на инвалидных колясках на прогулку. Вы бы видели, как эти дети радовались солнцу, каждому листочку, траве; а если воспитатели покупали им еще конфеты, то радости не было предела.

– Неужели нам нужно стать такими, чтобы узнать, как мир прекрасен, и как чудесно все создал Бог, – сказала его опередив, – вы мне это хотите сказать? Я это сразу с вашей стороны увидела и мне стало по-настоящему интересно, кто из нас более счастлив: тот, у кого все есть, или кто ограничен физически и материально?

«Подумайте, и вы над этим вопросом», – сказал он мне спокойно и для меня неожиданно, – И тогда сможете простить и маму, и сестру.

– Спасибо, – ответила я, провожая взглядом его уход.

Я вернулась домой, и сестра уже жаждала в ожидании меня закопать, но пока не была в настроении:

– Марина, здравствуй!

– Здравствуй, – ответила я ей.

– Наверное, проблема не только в учёбе у тебя, – докопалась она опять, изучив мои сегодняшние результаты на уроках, – Если мама говорит нехорошие слова, то это значит, что ты, наверное, приходила домой не вовремя.

– Да, понятно, – ответила я ей, – Родители обычно очень опасаются, что с нами случится беда, и в этом их можно понять. Я вас понимаю правильно.

– Ты просто подойди к учителю в школе, которому доверяешь, поделись проблемами, – смеялась надо мной сестра, намекая, что до сих пор только ей всё покупают, ожидая мою смерть в немощи обеспечить нас двоих, – А дома возьми учебники и почитай их, домашку сделай хотя бы с помощью Интернета.

– Мама обрадуется, да и успеваемость повысится, да? – спросила я её, – Тройку тоже надо заработать.

– Да, – продолжала она, – А через два года ты уже поступишь в колледж, будешь получать профессию.

– Взрослая интересная жизнь! – завершила я наш разговор, уходя в свою комнату, – Всё будет хорошо!

Мать с сестрой в моё отсутствие начали опять болтать:

– Здравствуйте, Марина, – крикнула она мне к двери намеренно, – не подслушивайте нас!

– «Доченька, мне тоже было сложно в школе», – говорила она закончившей школу сестре, – Правда проблема была не так в оценках, как в конфликте с одноклассниками, меня обижали, травили. Дошло до того, что вообще отказалась хо-

дить в школу. Справиться мне помогли такие доводы – учёба не для того, чтобы кому-то что-то доказывать или нравиться одноклассникам, а для себя, своего будущего, чтоб иметь возможность поступить в университет, поэтому ходить на занятия надо. Школа – не навсегда! Осталось пару лет и выпускной!

Я понимала, что они намеренно говорят так, чтобы я это слышала, а после мать закричала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.